

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 152—161.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 3. P. 152—161.

Научная статья

УДК 13:165

DOI: 10.46726/И.2024.3.18

СОЗНАНИЕ В ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОМ И КОГНИТИВНОМ ДИСКУРСЕ

Елена Николаевна Шульга

Институт философии РАН, г. Москва, Россия, elena.shulga501@gmail.com

Аннотация. Философы Древней Греции не знали слова «сознание». Однако они много рассуждали о человеке и познании. Причем процесс познания связывали непосредственно со способностью созерцать порядок вещей, придавая этой способности особый смысл, соизмеримый с интеллектуальной добродетелью, мудростью философа. Аристотель побуждает к изучению философии, приглашает к созерцанию и высшим благом провозглашает мышление. Впоследствии мышление стало означать житейскую мудрость, сохраняя значение идей. Само понятие «идея» становится выражением духовного образа, который можно охватить мыслью, «схватить» в понимании, т. е. осознать. Появление философии сознания связано с фундаментальностью самой проблематики, междисциплинарной направленностью исследований, что порождает разнообразие подходов к сознанию и формулирование хорошо обоснованных концепций сознания. В качестве объекта научной теории сознание рассматривается исключительно как объект, согласующийся с многообразием фактов эмпирического характера. Конкретные дисциплины, изучающие различные когнитивные проявления человеческого сознания, выдвигают собственные, часто сугубо дисциплинарные подходы, которые тем не менее нуждаются в адекватной философской интерпретации. Современные исследователи учитывают факт зависимости между конкретным состоянием сознания и всей когнитивной системой человека. Отсюда в отношении сознания у нас может быть как минимум два подхода — конкретно-научный, требующий ознакомления с многообразием эмпирических данных психических процессов, и философский. По-видимому, именно сочетание этих двух подходов в понимании сущности сознания — и как феномена, и как специального понятия в междисциплинарных поисках — представляется уместным и эффективным.

Ключевые слова: познание, стиль мышления, сознание, философские основания, критерии рациональности

Для цитирования: Шульга Е.Н. Сознание в историко-философском и когнитивном дискурсе // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 152—161.

Введение. Рассматривая историю зарождения дисциплин, изучающих различные аспекты проблемы соотношения языка и мышления, познания и понимания, следует начать с того, что одна из древних *дисциплин* — это филология, «любовь к слову». Она возникла из практических запросов, связанных

с переводческой деятельностью, где понимание значения каждого слова, отдельного высказывания, речи или текста было непосредственно связано с правильной интерпретацией. Эта же традиция отношения к смыслу слова формируется и в недрах античной герменевтики, ориентированной на соотношение понимания и интерпретации. Обе указанные дисциплины имеют длительную историю формирования собственной предметной области, однако именно античная герменевтика оказывается ближе к философии по характеру решения своей основной задачи — выдвигению принципов интерпретации в соответствии со спецификой изучаемых ею текстов. Другими словами, герменевтика опирается на понимание смысла каждого слова изучаемого текста, извлекая и реконструируя смысл из его содержания и придавая тексту то целостное смысловое значение, которое соответствует его предметному и культурно-историческому значению.

Однако понимание смысла каждого слова неминуемо приводит к необходимости понимания «вечных» смыслов, формирующих мировоззренческий фундамент каждого текста, отражающий как позицию его автора, так и картину мира его современников. И здесь ключ к этим смыслам дает еще одна дисциплина — философия, существующая уже более 2,5 тыс. лет. Она постоянно расширяет предметную сферу своего исследовательского интереса и проблематику, совершенствует методы исследования, использует понятийный язык других наук и при этом формирует собственный философский лексикон.

Само слово «философия» первым стал употреблять Пифагор. Об этом свидетельствуют исторические источники, повествуя, что в то время, когда Пифагор был в Пелопоннесе, некий человек по имени Леонтий спросил его, какова его профессия. Пифагор ответил: «я — философ», что в буквальном смысле означало «друг мудрости». Так впервые Пифагор обозначил сущность той деятельности, которой он сообща занимался с учениками, поясняя, что философия — это еще и «любовь к мудрости», поэтому философ — «друг мудрости». Таким образом, философия как реализация любви к мудрости посредством совместного постижения знания получила название «дружба». Тем самым слово «дружба» становится вторым (скрытым от непосвященных) определением значения слова «философия». Отсюда можно сделать вывод, что мудрость философа, о которой говорит Пифагор и к которой обращаются представители других философских школ и мыслители последующих эпох, выражает не только определенную склонность ума, наряду с обладанием неким объемом знаний, но и мудрость философа, которая проявляется как способ реализации высшей человеческой способности — способности постижения истины. Развитие этой способности Пифагор связывал с размышлением, поэтому «размышлять для него означало развивать в себе высшие свойства человека» [Льюис: 42].

В настоящее время, определяя предмет философии как совместное (с предшественниками и учениками) постижение и объяснение организации мира, явлений природы и самого человека, мы выделяем главные функции современной философии по отношению к различным наукам и типам знания. Это эвристическая функция, основанная на методологии философского и научного познания, которая реализовывается в процессе исследования. Она способна привести исследователя к новаторскому результату и актуальным идеям при условии, что этот ученый умело использует багаж философской методологии. Например, действуя в определенной парадигме, сочетает философские, общенаучные и специальные методы для решения проблемы и конкретной исследовательской задачи. Культурно-историческое значение философии состоит в ее мировоззренческой функции. Именно мировоззрение позволяет раскрыть истинную

сущность вещей и процессов, происходящих в окружающей действительности, исходя из обобщения смысла результатов, полученных в различных областях научного познания, поскольку мировоззрение создает научную картину мира. Таково в общих чертах значение философии для науки. При этом изначальная направленность философской мысли на познание человека, призыв античных философов познать «самого себя», оптимистическая вера в способность рационального человека познать себя и собственное «Я» сохраняет свою актуальность на протяжении многих веков.

Философия как образ жизни. Важным эпистемологическим моментом в развитии философского знания является поиск ответа на вопрос: существует ли зависимость между стилем мышления отдельного ученого (философа), его образом жизни и тем, чему он учит, передавая свои знания другим? Иными словами, является ли актуальной для жизнедеятельности философа та концепция или идея, которую он формулирует и обосновывает, отстаивая принципы той философской школы, к которой он принадлежит? Отвечая на эти вопросы, обратимся к истории философии.

Напомню, что в античности наибольшую известность получили шесть школ: платонизм, аристотелизм, стоицизм, кинизм, эпикуреизм и скептицизм.

Для образа жизни стоиков важны были скромность и моральная строгость, которые представители этой философской школы проявляли в обычной жизни. Рассуждая о справедливости в контексте человеческой деятельности и самооценки поступков, стоики учили, что только правильное поведение доставляет человеку единственное подлинное удовлетворение. Поскольку добродетель человека проявляется в качествах души, сообразных разуму, то и правильный взгляд на происходящее выражается в том, что следует делать надлежащим и что допускать. Например, римский стоик, губернатор провинции Азии Квинт Муций Сцевола, а вслед за ним и все члены его семьи, применяли к себе законы, изданные против роскоши. Сцевола даже «сделал вопросом чести, в отличие от своих предшественников, оплачивать свое пребывание в Азии из своих собственных средств, принудив к этому и собственное окружение поступать так же и положить конец злоупотреблениям римских сборщиков налогов» [Адо: 155].

Интересно и то, как представителей различных философских школ воспринимали обычные люди. Пьер Адо указывает, например, что платоники считались гордецами, эпикурейцы имели репутацию людей неприхотливых в еде и в быту и считались людьми, которые ведут очень простой образ жизни. Направление их философской мысли было связано с умением находить удовольствие в повседневности и наслаждаться радостью простого существования, поддерживать душевное равновесие и сохранять спокойствие при любых жизненных ситуациях. Для этого эпикурейцы стремились ограничивать свои желания уже на том только основании, что для счастья и ощущения полноты жизни философу-эпикурейцу совершенно не требуется желать богатства или славы. Поэтому и в обычной жизни следует придерживаться только необходимых желаний, например, быть сдержанным в еде, но не в дружбе. Дружбе эпикурейцы придавали очень важное значение.

Образ жизни киников, которые отвергали условности повседневной жизни своих сограждан и их менталитет, известен нам из истории Диогена, который жил в бочке, отличался остроумием и непреклонной волей. Киники разделяли людей на мудрецов и глупцов, презирали изнеженность своего времени и находили излишней для мудреца участие в государственной жизни, поскольку, согласно их философии, мудрец — тот тот, кто полностью свободен и сам

является прирожденным повелителем и гражданином мира. Свое подчеркнуто демонстративное равнодушие к жизни они доказывали добровольным уходом от нее, но при этом свое особое призвание киники видели в проповеди нравственности и врачевании душ тех людей-маргиналов, которые остро нуждались в их непосредственном участии или нравственном исправлении.

Жизненная установка платоников полностью соответствовала учению Платона и проявлялась в нескольких аспектах: в заботе об осуществлении политического влияния, в поддержании сократической традиции рассуждать и дискутировать в соответствии с сократовским методом, который состоял в искусстве задавать вопросы и находить на них правильные ответы; наконец, в поддержании идеи о том, что «жизнь должна быть жизнью мысли, жизнью согласно разуму, духу» [Там же: 157].

В аристотелевской традиции жизнь философа и специфика его творческой мыслительной деятельности наиболее близки тому образу ученого, который актуален и в наши дни. Стиль мышления философа Аристотель описывает как теоретический, то есть тот, в котором философ созерцает вещи, рассуждая в последовательности, соответствующей представлению о конечной цели своего рассуждения. Такой подход к исследовательской деятельности обусловлен тем, что Аристотель ясно сознавал относительную независимость разных наук. При этом он придерживался того мнения, что так называемое полное знание может быть только результатом всестороннего опыта, что соответствовало представлению о фундаментальном характере самой философии и поддерживало известную традицию, связанную с приоритетом опытного знания: опыт, наблюдение, анализ и обобщение составляли ядро традиционного для греческих мыслителей подхода к познанию, оцениваемому с точки зрения его обоснованности.

Аристотель обращал внимание на тот факт, что логики, физики и математики, проводя свои исследования и приходя к обоснованным выводам, опираются на принципы тех наук, в предметной области которых осуществляется рассуждение. Аристотель различает три основные области знания: практические науки, созидательные и теоретические [Аристотель: 175—177]. Теоретические, или умозрительные, науки отличаются от практических по цели и предмету. Их цель непосредственно связана с познанием, в то время как практическое знание нацелено на то, чтобы определять средства воздействия людей на ход событий. Специфические черты практического знания наиболее отчетливо представлены в этических трудах Аристотеля, связанных с системой воспитания, а также в политических трудах, посвященных государственному правлению. Так, в труде «Политика» (книга VII и VIII) представлена теория государства, каким его хотел видеть Аристотель. Важно при этом отметить тот факт, что, согласно Аристотелю, этика подчинена политике. Отсюда и поиск условий соединения личной свободы и государственного порядка.

Отразилась ли эта философия Аристотеля на его личности и судьбе? Ответ можно найти в его сочинениях и в биографических сведениях. Например, Диоген Лаэртский приводит множество афоризмов, которые характеризуют личность Аристотеля. Он пишет: «Об учении он говорил так: “Корни его горьки, но плоды сладки”. <...> Воспитание, говорил он, нуждается в трех вещах: в даровании, науке, упражнении. Когда ему сказали, что кто-то бранит его заочно, он сказал: “Заочно пусть он хоть бьет меня!” <...> На вопрос, какую он получил пользу от философии, он ответил: “Стал делать добровольно то, что другие делают в страхе перед законом”. На вопрос, как ученикам преуспеть, он ответил: “Догонять тех, кто впереди, и не ждать тех, кто позади”» [Диоген Лаэртский: 210—211].

В философской литературе часто сравнивают Платона и Аристотеля. Например, если Платон признавал, что наука должна иметь дело только с общностями, то Аристотель рассматривал общности как результат индукции или вывода из частных фактов; он побуждал человека наблюдать и вопрошать природу, а в частных фактах отыскивать общие идеи. Платон же основой науки считал разум и учил созерцать идеи. Он полагал, что одни только ощущения еще не создают науку, поскольку наука должна быть основана на общих истинах. Признавая это положение своего учителя, Аристотель поставил перед философией новую задачу — показать, как можно получить научное знание.

Надо заметить, что философы Древней Греции не знали слова «сознание». Однако они много рассуждали о человеке в контексте познания. Причем процесс познания связывали непосредственно со способностью созерцать порядок вещей, придавая этой способности — “*Sophia*” — особый смысл, соизмеримый с интеллектуальной добродетелью, мудростью философа. Аристотель сравнивает способность к созерцанию со способностью быть счастливым, утверждая, что в ком в большей степени присутствует способность к созерцанию, в том — и способность быть счастливым, и поскольку созерцание ценно само по себе, то и счастье является видом созерцания.

Согласно Аристотелю, стремление (*orexis*) является единственным источником мотивации всех действий — как разумных, продиктованных желанием и рациональным стремлением, так и осуществляемых под воздействием аффектов или влечений. Любые действия имеют один источник мотивации — разум, поскольку только разум дает человеку решения. Наряду с разумом и представлением, греческие философы признают в человеке такую способность, как воображение. Однако только ум и стремление движут человеком; стремление — это всегда стремление к цели, а цель полагает практический разум (Аристотель, «*О душе*»). В трактате «Протрептик» (или «Увещание» — жанр философских произведений, получивший в дальнейшем широкое распространение) Аристотель побуждает к изучению философии, приглашает к созерцанию и высшим благом провозглашает мышление. Впоследствии мышление стало означать житейскую мудрость, сохраняя значение идей. И если у Платона цель философии — созерцание запредельного мира идей, то для Аристотеля — это наблюдение и исследование, которое ведет к высшей цели. Поэтому само понятие «идея» становится выражением духовного образа, который можно охватить мыслью, «схватить» в понимании, т. е. осознать.

Трудные вопросы сознания. Для современной философии описание становления идей, связанных с проявлением когнитивных способностей человека, имеет отношение к различным направлениям исследовательского поиска, в том числе к проблеме сознания и к тому, как этот феномен предстает в понимании ученых и философов.

На первый взгляд, проблематика сознания представляет интерес исключительно для представителей естественных наук, где сознание рассматривается как важнейший фактор жизнедеятельности человеческого организма, например, в медицине или психологии. Появление философии сознания связано с фундаментальностью самой проблематики, междисциплинарной направленностью исследований, что порождает разнообразие подходов к сознанию и формулирование хорошо обоснованных концепций сознания. Сложность самого объекта исследования не вызывает сомнения. При этом можно предположить, что при рассмотрении проблематики сознания согласование усилий философов науки и эпистемологов может быть вполне продуктивным.

Прежде всего, в силу того, что философы науки, обозначая границы участия различных научных дисциплин в познании феноменов сознания, фокусируют внимание на содержательной стороне любых концептуальных построений, дают им оценку.

В качестве идеализированного объекта научной теории сознание рассматривается исключительно как объект, согласующийся с многообразием фактов эмпирического характера. Конкретные дисциплины и научные направления, изучающие различные когнитивные проявления человеческого сознания, факторы его функционирования, выдвигают собственные, часто сугубо дисциплинарные подходы, которые тем не менее нуждаются в адекватной философской интерпретации. Так, оценивая имеющиеся знания о сознании, современные эпистемологи настаивают на поиске методологических оснований концепций сознания. Философы выдвигают новые подходы, оцениваемые с позиции их адекватности в рассмотрении внутренней природы сознания и характеризуемые согласно тем философско-методологическим установкам, которые представляются наиболее эффективными в понимании организации знания вокруг данного объекта.

Обоснование философии сознания связано с эпистемологической оценкой той теоретической сферы, которую современные исследователи стали характеризовать не иначе как «трудные вопросы сознания», подразумевая при этом описание, анализ и даже критику имеющихся моделей сознания. Например, когнитивная модель сознания Дэниела Деннета основывается на представлении о влиянии на человека различных видов информации, поступающей в мозг. Это информация перцептивного и речевого характера, относящаяся к кратковременной или долговременной памяти. В самом общем виде данную когнитивную модель сознания можно характеризовать как рассматривающую влияние различных видов информации на контроль за поведением. В дальнейшем Деннет дополняет свою концепцию, обращаясь к эволюционной биологии, к данным нейронауки и к работам по искусственному интеллекту. Оценивая когнитивную модель сознания с точки зрения ее полноты, Дэвид Чалмерс подчеркивает: «Она провокативно трактует некоторые из наших когнитивных способностей, но, как и предшествующая модель, ничего не говорит о том, почему эти способности должны сопровождаться сознательным опытом» [Чалмерс:150].

Не лишена недостатков и нейрофизиологическая концепция сознания, поскольку вопрос о том, почему психологические критерии сознания (внимание, контроль, вербальная оценка) должны сопровождаться сознательным опытом, остается без ответа. Такая оценка известных концепций сознания дает шанс для изучения в дальнейшем зависимостей между психологическими свойствами человека и его сознательным опытом.

Для уточнения участия эпистемологии в преодолении трудностей постижения знания о сознании, обратимся к имеющимся результатам общеметодологического характера, связанным с теорией рациональности.

Эпистемология рациональности. Современная эпистемология, описывая условия рациональности, выдвигает хорошо аргументированные положения, которые отвечают критерию рациональной деятельности в науке, и эти критерии могут быть использованы с целью выдвижения концептуальных положений философии сознания. Эти критерии можно представить в виде последовательности исследовательских шагов, которые являются универсальными, поскольку их можно применять как в отношении научного, так и философского знания, а следовательно, и в области проблематики сознания.

Рациональный путь научного исследования должен соответствовать следующим критериям, и он предполагает:

во-первых, упорядоченность знания в области исследования сознания. Целостность такого знания поддерживается благодаря согласованию различных сведений о специфике функционирования сознания. В теоретическом смысле это означает, что ученый должен согласовывать между собой используемые понятия с целью упорядочивания используемой аргументации, направленной на обоснование выдвигаемых концептуальных положений;

во-вторых, ученый должен строго соблюдать последовательность этапов решения общей проблемы. Это отвечает одному из основных методологических требований: движения мысли от простых задач к более сложным, что, в свою очередь, порождает новые вопросы или приводит к новым аспектам рассматриваемой проблемы.

Безусловно, концептуальное обоснование первоначально может ориентироваться исключительно на эмпирическое подтверждение знания (такое знание, как мы знаем из истории философии, называется практическим знанием). Неслучайно концептуальное обоснование начинается с рассмотрения «истории вопроса», истории проявления интереса к изучаемому объекту. Этот этап исследования отвечает главному методологическому требованию — соблюдению преемственности знания. В случае ориентации только на эмпирические сведения или использования эмпирического опыта в качестве основополагающего принципа исследователи не ставят перед собой задачу построения теории, но могут ограничить исследование рамками «исследовательской программы». Этот подход уместен и в отношении философии сознания, поскольку поиск теоретических оснований философии сознания может осуществляться в рамках такой программы. На этапе выбора исследовательской программы определяются границы исследования, что в конечном итоге позволяет уточнить конкретные аспекты проблематики. С философской точки зрения уточнение границ познания феномена сознания становится важнейшей эпистемологической установкой для тех исследователей, кто выдвигает и стремится обосновать собственную концепцию. Во всех случаях анализ должен быть всесторонним, и он связан с выходом исследования на фундаментальный уровень, благодаря которому как раз и происходит проникновение в сущностные характеристики сознания.

Итак, выдвижение философской концепции сознания должно отвечать следующим критериям рациональности:

- 1) концепция должна быть непротиворечивой в своей аргументации;
- 2) должна обладать философским смыслом;
- 3) она должна быть открытой для критики.

Следует подчеркнуть важность именно этих методологических требований в обосновании концепции и ее перспектив, связанных с «критикой». Дело в том, что «открытость для критики» соответствует открытости знания, но не в смысле «открытого» доступа к знанию всех, кто в нем заинтересован, а в направленности процесса познания к получению новых результатов или иных аспектов знания о сознании, которые еще не были до конца прояснены. Фактор «открытости к критике» не должен смущать исследователей. Напротив, исследователь должен ясно осознавать, что этот принцип творчества в науке уместен и отвечает основной направленности развития знания в его движении «от проблемы к проблеме».

В описании сознания обычно используют такие понятия, как феноменальность, интенциональность, самоактивность, саморефлексивность; рассматривают

сознание в связи с моралью, выражением творческой интенции, проявлением целеустремленности, ответственности или свободы воли и т. д. Все это дает исследователям огромный материал для выдвижения собственных концепций сознания на основе сопоставления различных аспектов исследования осознанной деятельности человека или в зависимости от той категории, которая рассматривается в качестве центральной в таком сопоставлении.

Обращаясь к истокам наших представлений о том, как формировалось знание: философское, преднаучное, конкретно-научное, следует напомнить, что классическая европейская традиция, восходящая к античности, была нацелена на выявление единых начал и сверхчувственных принципов бытия, обнаруживая их как на уровне макрокосма (природы как универсума), так и на уровне микрокосма (универсумы познания человеческой сущности). Для древнегреческих мыслителей таким единым «началом» являлся *логос* (слово, закон, сущность всех вещей). Философы всегда признавали ценность человеческого разума и его способность познавать и выражать в слове (в понятии) сущность вещей. Любые познавательные усилия человека греки определяли степень его приобщенности к пониманию смысла этого единого организующего принципа, причем степень «приобщенности», т. е. способностью постигать основные начала миропорядка, определялась ценностью самого знания о нем.

Итак, философский взгляд на мир способствует расширению сферы умопостижимого. Если первые опыты философского осмысления человеческого мышления и познания были связаны с признанием дуальности души и тела, физического и психического, чувства и разума, то появление представлений о сверхчувственном опыте развивается вместе с разделением мира на умопостижимое, т. е. то, что можно постичь собственным умом, и то, что зримо (наблюдаемо, очевидно).

Концептуальный поворот в философии сознания, в познании сверхчувственных проявлений разума связан с распространением христианства. Согласно христианскому миропониманию, любые выражения человеческой мысли, в особенности наиболее яркие проявления разума и сознания — это проявления искры божественного разума. Признается спонтанность душевных выражений человека (его страстей) и активность его интеллектуальных устремлений, проявляющаяся как в *самопознании*, так и в опыте самоуглубленных размышлений (о самом себе, о Боге, о способах общения с высшим разумом и т. п.).

Одна из самых интересных и радикальных концепций сознания реконструируется на основе теории познания, развиваемой Декартом, для которого сознание — это субстанция особого рода. Лейбниц, которые учил, что монады — это неделимые первоэлементы бытия, вводит в научный оборот понятие апперцепции как акта перехода восприятий и бессознательных психических переживаний в четко осознаваемые представления, которые исходят от самого человека, т. е. принадлежат его сознанию. Тем самым впервые осознаваемые субъективные состояния человека становятся объектом научного и философского исследования. Со временем, наряду с распространением знания о специфике функционирования сознания, появляются и новые концепции сознания. Так, физиологическое учение о сознании, которое характеризуется как функция мозга, способствовало распространению множества принципиально новых взглядов на сознание как продукт деятельности мозга. Эта позиция стала отправной точкой в появлении более широких концепций. В них сознание рассматривалось в связи с самопознанием и проявлением воли, высших психических потребностей и представлений о ценности и т. д. Все эти концепции исходили из общего,

объединяющего их утверждения, что только благодаря деятельности головного мозга человек получает способность мыслить и получать знания о самом себе. Таким образом, *мыслить о самом себе* как раз и есть результат деятельности сознания, и такова его дефиниция.

Современные исследователи сознания не ограничиваются этой дефиницией, но рассматривают феномены сознания, учитывают факт зависимости между конкретным состоянием сознания и всей когнитивной системой человека. Это позволяет сделать вывод, что в отношении сознания у нас может быть как минимум два подхода — конкретно-научный, требующий ознакомления с многообразием эмпирических данных относительно психических процессов и деятельности головного мозга, и философский. По-видимому, именно сочетание этих двух подходов в понимании сущности сознания — и как феномена, и как специального понятия в междисциплинарных поисках — представляется уместным и эффективным. И такой вывод вполне правомерен. Дело в том, что существует специальный метод рассуждения, который позволяет отличить важное от несущественного. В философии такой способ размышления, восходит к античной философии, и он называется *философским анализом*. Но его применяют и вне философии — всюду, где актуальна задача посредством анализа проникнуть в сущность исследуемой проблемы.

Заключение. Мыслить, рассуждать на сущностном уровне — это значит изучить явления, открыть глубинные стороны организации окружающей действительности, постичь ее структуру, например, структуру сознания, его фундаментальные основания, решать загадки человеческого *Я* или познавать закономерности организации многообразных форм живого и т. д. Все это порождает новый вопрос: *что* открывает нам эту глубинную сторону организации миропорядка? Для мыслителей Древней Греции это был вопрос о том, что является основой (*arche*) действительности? Сегодня философы ставят вопрос иначе, но в отношении сознания направление их поиска продолжает традицию — они рассматривают сознание как специфическую деятельность мышления на его фундаментальном, сущностном уровне.

Список литературы / References

- Адо П. Философия как способ жить: Беседы с Жанной Карлис и Арнольдом И. Дэвидсоном / пер. с фр. В.А. Воробьева. Челябинск: Социум, 2010. 288 с.
(Ado P. Philosophy as the way of life, Chelyabinsk, 2010, 288 p. — In Russ.)
- Аристотель. Метафизика. М.: Эксмо, 2015. 448 с.
(Aristotle. Metaphysics, Moscow, 448 p. — In Russ.)
- Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / общ. ред. и вступ. ст. Ф.М. Лосева. М.: Мысль. 1979. 620 с.
(Diogenes Laertius. The lives, opinions and remarkable sayings of the most famous ancient philosophers, Moscow, 1979. 620 p. — In Russ.)
- Льюис Дж.Г. История философии. Перевод с последнего английского издания. СПб: Издание В.Д. Вольфсона, 1892. 684 с.
(Lewis J.G. History of philosophy, St. Petersburg, 1892, 684 p. — In Russ.)
- Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. М.: УРРС: ЛИБРОКОМ, 2013. 512 с.
(Chalmers D. The conscious mind: in search of a fundamental theory, Moscow, 2013. 512 p. — In Russ.)

CONSCIOUSNESS IN HISTORICAL-PHILOSOPHICAL AND COGNITIVE DISCOURSE

Elena N. Shulga

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russian Federation, elena.shulga501@gmail.com

Abstract. The philosophers of ancient Greece did not know the word “consciousness”. However, they talked a lot about man and knowledge. Moreover, the process of cognition was directly associated with the ability to contemplate the order of things, giving this ability a special meaning, commensurate with the intellectual virtue and wisdom of the philosopher. Aristotle encourages the study of philosophy, invites contemplation, and proclaims thought to be the highest good. Afterwards thinking began to mean worldly wisdom, while preserving the meaning of ideas. The very concept of “idea” becomes an expression of a spiritual image, which can be embraced by thought, “grasped” in understanding, i. e. realized. The emergence of the philosophy of mind is associated with the fundamental nature of the problems themselves, the interdisciplinary orientation of research, which generates a variety of approaches to consciousness and the formulation of well-grounded concepts of consciousness. As an object of scientific theory, consciousness is considered exclusively as an object consistent with a variety of facts of an empirical nature. Specific disciplines that study various cognitive manifestations of human consciousness put forward their own, often purely disciplinary approaches, which, nevertheless, need adequate philosophical interpretation. Modern researchers take into account the fact of the dependence between a specific state of consciousness and the entire cognitive system of a person. Hence, in relation to consciousness, we can have at least two approaches: concrete-scientific, which requires familiarization with the variety of empirical data of mental processes, and philosophical. Apparently, it is the combination of these two approaches in understanding the essence of consciousness — both as a phenomenon and as a special concept in interdisciplinary research — that seems appropriate and effective.

Keywords: cognition, style of thinking, consciousness, philosophical foundations, criteria of rationality

For citation: Shulga E.N. Consciousness in historical-philosophical and cognitive discourse, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 3, pp. 152—161.

Статья поступила в редакцию 24.05.2024; одобрена после рецензирования 26.06.2022; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 24.05.2024; approved after reviewing 26.06.2022; accepted for publication 02.09.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Шульга Елена Николаевна — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН, Москва, Россия, elena.shulga501@gmail.com

Shulga Elena Nikolaevna — Doctor of Sciences (Philosophy), leading research fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, elena.shulga501@gmail.com